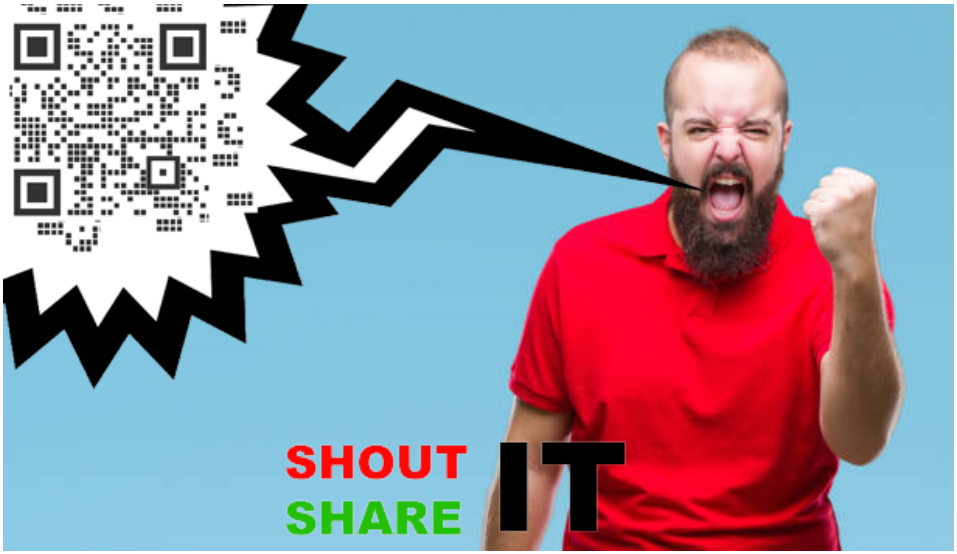
Библиотека Всемирной Литературы

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея. Исповедь. Пьесы. Сказки


SHOUT
SHARE
IT

- Оскар Уайльд
  - Я всего лишь гений

Оскар Уайльд

Я всего лишь гений

Давно замечена связь между именем человека и его характером и судьбой. Оскару Уайльду его имя досталось, видимо, не случайно: ведь Уайльд в переводе с английского означает «неуемный, пылкий, неистовый». Таким он и был – и в своей жизни, и в отношениях со своими друзьями, и в служении своему идолу, которому он поклонялся всю жизнь, – Искусству. Любой художник, независимо от своей воли, так или иначе раскрывает себя в создаваемых им творениях, и, читая произведения Оскара Уайльда, мы лишний раз убеждаемся в этом: писатель предстает со страниц своих произведений – романа, повестей, сказок, пьес, стихотворений и даже статей и эссе – действительно неуемной, неистовой и пылкой личностью. Жизнь Оскара Уайльда и Искусство, которому он служил всеми силами своей души, нерасторжимы, неразрывно взаимосвязаны, и трудно увидеть ту грань, которая отделяет его жизнь и его Искусство. «Я был и остаюсь символом искусства и культуры нашего времени», – так он говорил о себе в своей исповеди «De Profundis». Данный ему свыше талант он, по собственному признанию, вложил в свою жизнь, а в созданные им произведения – лишь свой гений.

Между тем, литературные критики уже более ста лет не могут решить, относить ли Уайльда к великим писателям или нет. Любопытно, что в декабре 1900 года, хотя не прошло и недели со дня его смерти, английская газета «Пэлл-Мэлл» сочла возможным написать: «Мистер Уайльд, конечно, обладал уникальными интеллектуальными способностями, но вряд ли хоть что-нибудь из его литературного наследия выдержит испытание временем». Без малого тридцать лет спустя, в 1927 году, английский литератор Арнольд Беннет в одной из своих статей назвал и Оскара Уайльда, и его литературный стиль «безнадежно устаревшими», хотя скрепя сердце и признался: «Книги Уайльда, пусть он и не был первоклассным писателем, доставляли мне в ранней молодости, как и многим другим простодушным юнцам, огромное удовольствие». И даже через полвека после смерти писателя, в 1950 году, литературное приложение к газете «Таймс» могло позволить себе такого рода высокомерную оценку его творчества: «Если не считать одной неплохой пьесы и исповеди „De Profundis“, Уайльд не оставил после себя ничего такого, что можно было бы признать настоящей литературой».

Кто теперь помнит имена авторов этих и подобных им

публикаций? А вот имя Оскара Уайльда знает весь мир, и все новые и новые поколения читателей восхищаются его произведениями. Его книги издаются огромными тиражами на самых разных языках мира, включая и такие экзотические, как каталанский и суахили. Едва ли проходит день, чтобы его остроумные афоризмы не цитировались в прессе; его пьесы не сходят со сцен театров на всех континентах и постоянно экранизируются. Популярность Оскара Уайльда, несмотря на все прогнозы литературоведов, феноменальна и даже парадоксальна, как, впрочем, и все, что связано с именем этой удивительной и яркой личности.

Английский, а точнее ирландский поэт, драматург и романист Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллз Уайльд (таково его полное имя) появился на свет 16 октября 1854 года в столице Ирландии Дублине. Семья Уайльдов – голландского происхождения. Первым Уайльдом, осевшим в Ирландии, был некий полковник де Уайльд, сын художника, образцы творчества которого можно и сегодня увидеть в Картинной галерее в Гааге. Полковник де Уайльд был наемным солдатом и авантюристом, и за свои заслуги перед королем Англии Вильгельмом III Оранским был жалован в конце XVII столетия землями в Конноте, что в северо-западной части Ирландии. Впоследствии полковник превратился в пламенного патриота Ирландии и даже раскаивался в том, что так преданно служил английскому королю. Он считал себя настоящим ирландцем, и те, кто его знал, говорили о нем, что «он больше ирландец, чем сами ирландцы». Уайльды впоследствии занимались исключительно мирными делами, становясь главным образом или врачами, или агентами по продаже земельной собственности.

Родители Оскара Уайльда были талантливыми и известными в свое время людьми. Его отец, сэр Уильям Уайльд (1815–1876), являлся ведущим в Ирландии глазным специалистом и отоларингологом. Он первый в мировой практике стал успешно проводить операции по удалению катаракты, за что приобрел международную славу, а когда он снял катаракту с помутневшего глаза самого короля Швеции Оскара, тот в благодарность за это наградил его орденом Полярной Звезды. Свободное время отец Оскара Уайльда отдавал увлечению этнографией, сумев прославиться и на этом поприще: им были написаны «Популярные ирландские легенды и поверья», которые вышли отдельной книгой в 1852 году и выдержали несколько изданий. Кроме того, он публиковал литературоведческие книги, в частности о творчестве Джонатана Свифта, а также книги по археологии и ирландским национальным обычаям.

Мать будущего писателя, леди Джейн Франческа Уайльд, урожденная Элджи (1820–1896), была убежденной ирландской националисткой и в то же время на редкость эксцентричной дамой. Она писала яростные стихи, которые, наряду со статьями, пробуждавшими патриотические чувства в соотечественниках-ирландцах, публиковала в различных дублинских изданиях, таких, например, как газета радикально-националистического толка «Нация». Кроме того, она увлекалась кельтской мифологией и фольклором. В 1887 году, как бы продолжая дело, начатое ее к тому времени уже покойным мужем, она издала книгу «Древние легенды, мистические заклинания и поверья Ирландии». Подписывала она свои творения псевдонимом Сперанца, которое позаимствовала из любимого своего девиза «Fidanza, Constanza, Speranza» (Вера, Постоянство, Надежда). Кроме всего прочего, она была известна и как хозяйка модного светского салона сначала в Дублине, а затем, после переезда в Англию в 1876 году, и в Лондоне. У сэра Уильяма Уайльда и леди Уайльд было трое детей – Уильям, Оскар и Изола, которую Оскар очень любил и чью раннюю смерть, в возрасте 10 лет, он не мог пережить долгое время.

Образование Оскара Уайльда было начато в королевской школе в городке Эннискилейн, где он проучился с 1864 по 1871 год, и продолжено в колледже Святой Троицы в Дублине (1871–1874). Получив там золотую медаль за успехи в греческом языке, Уайльд в возрасте 20 лет поступил в Оксфордский университет, где с 1874 по 1878 год был студентом колледжа Святой Магдалины, известного своими академическими традициями. В последний год пребывания в Оксфорде он стал университетской знаменитостью, получив Ньюдигейтскую премию, которой домогались столь многие из его сокурсников, за свою поэму «Равенна».

Уже в университетские годы Уайльд поражал собратьев-оксфордцев своим остроумием, экстравагантной манерой держать себя и своим неприятием закоснелой, ханжеской морали того времени. Находясь под влиянием известных в XIX веке английских теоретиков искусства Джона Рескина и Уолтера Прейтера, он приобрел репутацию главы так называемого «Эстетического движения», исповедовавшего культ «искусства ради искусства». Уайльд пошел даже дальше – он поклонялся красоте ради красоты, заполняя комнаты, в которых жил, голубым фарфором, павлиньими перьями, причудливыми картинами Россетти и Берн-Джонса. Эстетизм был главным его кредо, и он считал, что красота является тем идеалом, к которому должен стремиться каждый человек, взятый в отдельности, и все

человечество в целом. Именно к этому времени относится его знаменитое высказывание «Ах, если бы я хоть в малейшей мере мог достигнуть того совершенства, которое заключено в моем голубом фарфоре!».

Эксцентричное поведение Уайльда в качестве проповедника искусства ради искусства приобрело такую известность, что популярный в Англии сатирический журнал «Панч» сделал Уайльда объектом высмеивания за «не приличествующее настоящему мужчине увлечение красивостью», а модные в то время композиторы Гилберт и Салливан изобразили его в своей комической опере «Пасьянс» под именем чрезмерно чувственного поэта Банторна.

Уайльд открыто презирал модное среди студентов увлечение спортом, хотя и был высоким, широкоплечим юношей атлетического телосложения. Напускаемый им на себя скучающий, томно-праздный вид был ничем иным, как маской: несмотря на частые высказывания о своей ненависти к любого рода труду и неспособности делать какие-либо усилия, как физические, так и умственные, он на самом деле очень много читал, иногда засиживаясь до утра за книгой. Создавая иллюзию, будто все ему дается без труда, он удивлял сокурсников своей эрудицией.

Одевался Оскар Уайльд вызывающе экстравагантно. В те годы в Британии был принят традиционный, сдержанный стиль одежды, и выделяться среди других считалось неслыханной дерзостью. Уайльд же щеголял в отороченной тесьмой бархатной куртке, бархатных бриджах до колен, черных шелковых чулках, свободной, из мягкой ткани рубашке с широким отложным воротником, на его грудь ниспадал яркий шейный платок. Шокированные прохожие провожали юношу негодующими и в то же время исполненными любопытства взглядами.

Начало литературной деятельности Оскара Уайльда приходится на 1881 год, когда он выпустил за свой счет сборник стихотворений, отражавших (пожалуй, чересчур явно) его приверженность эстетическим взглядам таких поэтов, как Алджернон Суинберн, Данте Габриэль Россетти и Джон Китс. Книга не принесла ему ни известности, ни денег, и он, чтобы поправить свое финансовое положение, а заодно добиться известности, отправляется в 1882 году в лекционное турне по Северной Америке. Прибыв в Нью-Йорк, он, на вопрос таможенника «Имеете ли вы что-нибудь предъявить для досмотра?», произнес ставшую знаменитой фразу: «Всего лишь свою гениальность».

Американская пресса встречала его повсюду, где он бывал,

враждебно за его неизменно томные позы и за его «эстетический» наряд, но Уайльд за все время своего почти годичного пребывания в Америке не уставал призывать американцев превыше всего любить красоту и искусство, и лекции его пользовались большой популярностью за остроумие, афористичность и парадоксальность. Этот молодой лондонский денди и утонченный эстет умудрился за 260 дней путешествия с востока на запад Соединенных Штатов, а затем и по Канаде прочесть 140 лекций – поразительное количество, если учесть, что ни самолетов, ни скоростных поездов тогда не было. Но он всегда представал перед публикой с видом этакого праздного франта и поражал слушателей своей эксцентричностью и нетрадиционными взглядами на искусство, литературу и жизнь, убеждая их, что вернейший путь к обновлению жизни – через возрождение красоты и эстетических идеалов. Слушатели встречали его по-разному, но в целом поездка прошла успешно, и в Америке после его отъезда осталось достаточно много последователей его эстетического учения.

В 1883 году в Нью-Йорке была поставлена первая пьеса Уайльда «Вера, или Нигилисты» на сюжет из русской жизни, и автор присутствовал на первом ее представлении, но особого успеха эта драма не имела. После семи представлений пьесу сняли, а театральных подмостков Лондона она вообще не достигла. Там же, в Америке, была впервые напечатана (всего в двадцати экземплярах) трагедия в стихах «Герцогиня Падуанская», которую Оскар Уайльд написал специально для затронувшей его сердце примадонны американского театра Мэри Андерсон, однако актриса, получив пьесу, наотрез отказалась в ней играть.

Уайльд воспринял свою неудачу крайне болезненно и вскоре возвратился в Англию, овеянный если не славой, то во всяком случае став достаточно известным, и сразу же отправился в лекционную поездку по провинциальным городам, где продолжал читать лекции, хотя на сей раз он рассказывал не о своих эстетических взглядах, а о своих впечатлениях об Америке. Его выступления пользовались не меньшим успехом, чем по ту сторону Атлантического океана, но бродячая жизнь в конце концов ему наскучила, и он поселился в Лондоне.

В 1884 году в состоялось венчание Оскара Уайльда и Констанции Мэри Ллойд, дочери известного ирландского адвоката Хораса Ллойда. Оскар был романтически влюблен в свою молодую красавицу жену и несколько лет чувствовал себя безмерно счастливым. В 1885 году он стал отцом. Первенца назвали Сирилом, а в 1886 году у супругов родился второй сын,

Вивиан.

В период с 1887 по 1889 годы Уайльд сотрудничал с популярной газетой «Пэлл-Мэлл» в качестве обозревателя и рецензента, а также редактировал журнал «Мир женщины». Интересно отметить, что до женитьбы Уайльд писал в основном поэзию, а с тех пор, как обзавелся семьей, стал отдавать предпочтение прозе. Если не считать поэмы «Сфинкс», задуманной им за много лет до этого, он больше почти не возвращался к поэзии и обратился к ней лишь после отбывания тюремного заключения, когда написал «Балладу Редингской тюрьмы». Вот что Борис Брейсол, автор одной из двух наиболее достойных внимания книг о жизни Оскара Уайльда (вторая – «Жизнь Оскара Уайльда» Хескета Пирсона), пишет о поэтическом периоде в творчестве писателя: «Он начал свою литературную карьеру как сочинитель звучных, приятных на слух стихотворений, однако, как признавал сам Уайльд, „в них было больше размера, чем разума“. По мере того как он становился старше, в нем все больше угасал вкус к поэзии, и хотя трудно согласиться с его убеждением, что его ранние поэтические произведения – это лишь проба пера неоперившегося юнца, факт остается фактом, что достигнув зрелости как писатель, он больше не проявлял интереса к восхитительному занятию поэзией, которую Браунинг называл „искусством отпирать сердца ключами сонетов“. Ранние поэтические произведения Уайльда были большей частью лирическими, и многие из них, вопреки мнению автора, с честью вынесли испытание временем.

Пребывая на посту редактора журнала «Мир женщины», Уайльд успел завоевать репутацию большого оригинала и блестящего собеседника. Все, кто с ним общался, единодушны в мнении, что Уайльд умел завораживать своим умением говорить. Когда в 1954 году английский романист сэр Комптон Маккензи снимал покрывало с мемориальной доски на доме № 16, что на Тайт-стрит (в этом доме некогда жил ОскарУайльд), он зачитал следующие слова сэра Макса Бирбома, английского писателя и карикатуриста, которому в то время было 82 года и который поэтому чувствовал себя слишком слабым, чтобы решиться на путешествие в Лондон: «Я имел счастье слушать многих мастеров застольной беседы – Мередита и Суинберна, Эдмунда Госса и Генри Джеймса, Августина Биррелла и Артура Бальфура, Гилберта Честертона, Десмонда Маккарти и Хилери Беллока, – и каждый из них был по-своему великолепен, но Оскар превосходил их всех: его выступления были импровизациями, но импровизации эти были совершенны. Его слова ласкали слух и в то же время поражали своей оригинальностью. Когда он говорил,

все сидели затаив дыхание, боясь нарушить музыку, исполняемую столь великим виртуозом». Недаром Уинстон Черчилль, когда его спросили, с кем бы он хотел встретиться и поговорить на том свете, без колебаний ответил: «С Оскаром Уайльдом».

В 1888 году выходит сборник сказок Уайльда «Счастливый принц и другие истории» – первая из книг писателя, привлекших серьезное внимание критики и интерес широкого читателя. Эти истории можно скорее назвать стихотворениями в прозе, чем детскими сказками как таковыми, и в них впервые столь ярко проявился дар Уайльда к романтическим аллегориям, заключаемым им в форму сказочных историй.

Когда в 1891 году вышла вторая книга сказок «Гранатовый домик» с прекрасными иллюстрациями Чарлза Шеннона, рецензенты были и вовсе озадачены: хотя сказки предназначались для детей, ни один ребенок, как выяснилось, не в силах был их понять. И в самом деле, сказки эти скорее были обращены к взрослому читателю. И все же книга еще более закрепила успех, который принес Уайльду первый сборник.

Сразу же вслед за «Гранатовым домиком» вышла поэма «Сфинкс», которая, как уже говорилось, была задумана за много лет до ее выхода в свет, еще в оксфордские дни писателя. Критики объявили это произведение ни чем иным, как экспериментированием со словами. И в самом деле, кажется, что Уайльд, создавая поэму, играл, находя рифму к редким, труднопроизносимым и необычным для поэзии словам, таким, например, как «катафалк» (а точнее «катафалка» – в родительном падеже) и «иероглиф», которые он рифмовал с еще менее поэтическими словами «свалка» и «подвиг». Подобных слов в «Сфинксе» рассыпано великое множество.

В том же 1891 году вышел сборник «Преступление лорда Артура Сэвила и другие истории», который, кроме заглавной повести, включал также «Кентервильское привидение», «Образцовый миллионер» и «Разгаданный сфинкс»; первые две из этих «других» повестей были особенно популярны, и их многократно инсценировали. Их беззаботное, чуть ли не водевильное настроение, которое впоследствии нашло свое наиболее полное выражение в замечательной комедии «Как важно быть серьезным», наглядно отражает тот жизнерадостный настрой, в котором во время их написания пребывал Уайльд.

К числу повестей многими издателями принято относить и «Портрет мистера У. Х.» – произведение, которое можно считать и литературоведческим исследованием, и детективной историей на тему о том, действительно ли за инициалами У. Х. скрывался Уильям Шекспир. Первоначально это произведение было

опубликовано в журнале «Блэквуд мэгэзин» за июль 1889 года в виде статьи объемом в 12 000 слов, но Уайльда все более занимала загадка, разгадать которую он пытался в первоначальной статье, а потому через четыре года он написал на ее основе повесть, объем которой составлял уже 25 000 слов, то есть был более чем в два раза больше. Рукопись «Портрета мистера У. Х.» исчезла вместе с другими рукописями, когда распродавали имущество Уайльда, объявленного за долги банкротом, и обнаружилась лишь в 1920 году в Америке, где повесть была напечатана в небольшом количестве экземпляров издателем Митчеллом Кеннерли.

В 1891 году под названием «Замыслы» вышел сборник эссе, в которых Уайльд заново сформулировал свои эстетические взгляды на искусство в развитие идей, высказанных французскими поэтами Теофилем Готье и Шарлем Бодлером, а также американским живописцем Джеймсом Макниллом Уистлером. Эту книгу можно считать едва ли не самой занимательной и любопытной из всего того, что написано Уайльдом в жанре «нехудожественной» прозы: он в полной мере дал волю своему воображению. Более половины объема «Замыслов» занимает статья «Критик как художник» с забавным подзаголовком «заметки по поводу важности ничегонеделания». Интересно отметить, что слово «важность» (importance) таило в себе какую-то притягательность для Уайльда; недаром оно встречается в названиях двух его пьес – «Как важно быть серьезным» («The Importance of Being Earnest») и «Женщина, не стоящая внимания» («A Woman of No Importance»), – и постоянно встречается во всех эссе писателя. Создается впечатление, что слово это казалось писателю каким-то по-особенному звучным, и ему нравилось постоянно перекатывать его если не на языке, то уж точно в своей голове. Но, пожалуй, самым интересным в этой книге является эссе «Упадок лжи», написанное в форме диалога и остроумно обосновывающее несомненное, по мнению Уайльда, превосходство искусства над природой, из чего писатель делает парадоксальный вывод, что природа является всего лишь имитатором искусства.

Подлинная слава пришла к Оскару Уайльду лишь после того, как увидел свет его единственный его роман «Портрет Дориана Грея». Впервые роман был опубликован в журнале «Липпинкот мэгэзин» в 1890 году, а в форме книги, в пересмотренном и исправленном виде и с добавлением шести новых глав, он увидел свет в следующем, 1891 году, столь урожайном для писателя. В «Портрете Дориана Грея» Уайльд сумел сочетать фантастическую фабулу, характерную для так называемых «готических романов», с

изображением чудовищных грехов героя в духе французской декадентской литературы. Литературные критики поспешили назвать роман аморальным, несмотря на его вполне моральный финал, в котором Дориан Грей уничтожает себя, а заодно и свою аморальность вместе с греховностью. В то же время Уайльд, говоря о романе, каждый раз подчеркивал в свойственной ему парадоксальной манере, что «любое искусство аморально, каким бы моральным ни была концовка того или иного романа».

После выхода «Дориана Грея» имя автора сразу же засияло на литературном небосклоне словно яркий, многоцветный метеорит. Роман отразил весьма своеобразные эстетические воззрения писателя и вызвал не только негодующие отклики критиков, но и единодушное осуждение английской прессы, зато был с восторгом принят читателями и за изобилующие в нем остроумные, часто парадоксальные афоризмы, и за увлекательный полуфантастический сюжет, и за сатирическое изображение высшего общества. В своей книге «Жизнь Оскара Уайльда» Хескет Пирсон рассказывает любопытную историю о том, как у писателя возник замысел «Дориана Грея»: «В 1884 году Уайльд имел обыкновение заглядывать в мастерскую художника Бэзила Уорда, одним из натурщиков которого был юноша поразительной красоты… После завершения портрета юноша удалился, и Уайльд воскликнул:

– Ах, как жаль, что такое прекрасное существо рано или поздно состарится!

– Увы, – согласился живописец, а затем добавил: – Как было бы чудесно, если бы его внешность никогда не изменялась, а вместо него старился и покрывался морщинами его портрет!

Оскар Уайльд выразил своему другу признательность за идею, дав художнику в романе имя Бэзил Холлуорд».

За остальные неполные десять лет своей жизни (и творчества) Уайльд написал практически все свои основные произведения. За «Портретом Дориана Грея» следуют одна за другой блестящие, искрящиеся эксцентричным юмором, полные забавных ситуаций «светские комедии» «Веер леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895) и «Как важно быть серьезным» (1895). Все эти пьесы имели огромный успех как при первом появлении на сцене, так и впоследствии. Пользуясь формой французских «фабульных пьес» со всеми их условностями, придуманными интригами и искусственными приемами, призванными разрешать любые коллизии, Уайльд создал совершенно новый жанр комедии, столь непривычный для английского театра XIX столетия.

Уже первая из перечисленных комедий, «Веер леди

Уиндермир», наглядно продемонстрировала, насколько легкое, грациозное остроумие писателя может оживить заржавленную, жесткую структуру традиционной французской драмы. Уайльд в своем самоироничном стиле называл эту комедию «одной из наиболее современных салонных пьес, разыгрываемых при свете розового абажура». Она была поставлена в феврале 1892 года в лондонском театре «Сент-Джеймс» известным режиссером Джорджем Александером. Когда состоялась ее премьера, восторженные зрители, не успел упасть занавес, стали восторженно выкрикивать: «Автора! Автора!» И тогда на сцену вышел Оскар Уайльд, небрежно держа в облаченной в перчатку руке сигарету, и обратился к публике с такими словами: «Леди и джентльмены! Сегодняшний вечер доставил мне огромное удовольствие. Актеры играли очаровательно и сумели в полной мере продемонстрировать вам достоинства этой восхитительной пьесы, а вы, со своей стороны, оказались достаточно понятливы, чтобы оценить их. Я поздравляю вас с тем огромным успехом, который вы сегодня имели как зрители, убедив меня в том, что вы о пьесе почти столь же высокого мнения, как и я сам".

Вторая комедия «Женщина, не стоящая внимания», написанная летом 1892 года и поставленная Гербертом Бирбомом в 1893 году на сцене театра Хеймаркет, имела не меньший успех, чем первая. После ее премьеры театральный критик Уильям Арчер написал в своей рецензии: «Пьесы Уайльда подняли современную английскую драматургию на небывалую высоту». По окончании спектакля зрители вскочили с кресел, требуя автора, и Уайльд, помня о шокирующем впечатлении, произведенном на публику его речью в прошлый раз, встал со своего места в боковой ложе и провозгласил: «Леди и джентльмены, с сожалением должен сообщить вам, что мистер Оскар Уайльд сегодня в театре не присутствует".

Премьера комедии «Идеальный муж», третьей из четырех наиболее важных пьес Уайльда (постановка Льюиса Уоллера), состоялась 3 января 1895 года, и в зале присутствовал сам принц Уэльский, что было почти беспрецедентным событием. Джордж Бернард Шоу писал по поводу «Идеального мужа»: «Новая пьеса мистера Оскара Уайльда, премьера которой состоялась в Хеймаркете, – очень коварная штука, поскольку даже самые известные театральные критики выглядят крайне пресными на фоне автора, настолько хороши его пьесы. Уайльд играет буквально со всем и со всеми – и со словами, и с философией, и с драмой, и с актерами, и со зрителями, и с театром в целом».

Самую блестящую из своих светских комедий, «Как важно быть серьезным», Уайльд первоначально написал, как и другие

три комедии, в четырех действиях и в таком виде передал ее Джорджу Александеру, а тот, желая представить пьесу в более привычном для того времени формате, попросил Уайльда сократить ее, с тем чтобы она была в трех действиях и благодаря этому стала бы более привычной для зрителей. Когда четырьмя годами позже пьеса вышла в форме книги, ее напечатали в том же варианте, в каком она ставилась на сцене, то есть в сокращенном виде и в трех действиях. Последующие ее издания также выходили в урезанном, трехактном виде. Почему так поступали издатели, не вполне ясно, поскольку Уайльд ведь написал пьесу в четырех действиях и в ней есть два дополнительных персонажа, причем презабавных. Именно в таком виде, без купюр, помещена пьеса в настоящем томе, то есть с переводом полного варианта в соответствии с английским изданием 1994 года. Можно только сожалеть, сетовали составители этого английского издания, что читатели столь долгое время были лишены возможности наслаждаться столь восхитительной пьесой в полном объеме.

Пьеса «Как важно быть серьезным», которую без преувеличения можно назвать самой веселой и остроумной комедией во всей английской литературе, имела огромный успех как при первом появлении на сцене, так и впоследствии. Впервые она была поставлена 14 февраля 1894 года в Сейнт-Джеймском театре, и помещение театра не могло вместить всех желающих присутствовать на премьере. Традиционная форма легкомысленного фарса приобретает в пьесе совершенно иное звучание благодаря искрометно остроумным, парадоксальным по форме, хотя на первый взгляд и безобидным сентенциям, безжалостно высмеивающим викторианское лицемерие. Достаточно прочесть такие, например, высказывания персонажей пьесы, чтобы убедиться в этом:

> У нашего века есть два достойных сожаления недостатка – отсутствие принципов и отсутствие подбородков.
>
> Никогда не говорите неуважительно о высшем обществе. Так поступают лишь те, кому закрыт туда доступ.
>
> Надеюсь, вы не ведете двойной жизни, прикидываясь беспутным, но будучи на самом деле добродетельным? Это было бы недостойным джентльмена лицемерием.
>
> Все женщины похожи на своих матерей, и в этом их трагедия, но ни один мужчина не похож на свою мать – а

в этом его трагедия.

> Я никогда не езжу без своего дневника – в поезде всегда надо иметь что-нибудь захватывающее для чтения.

В промежутке между написанием первых двух своих светских комедий, в 1892 году, Оскар Уайльд некоторое время жил в Париже, где сочинил на французском языке пьесу на библейскую тему «Саломея», призванную, по словам самого автора, «заставить публику содрогнуться от зрелища испытываемой героиней пьесы противоестественной страсти». Пьеса произвела огромное впечатление на великую французскую актрису Сару Бернар, и премьера спектакля с нею в заглавной роли должна была состояться в лондонском театре «Палас». Однако лорд-гофмейстер королевского двора не дал разрешения на постановку на том основании, что закон запрещает представление на английской сцене пьес, в которых действуют библейские персонажи. Уайльд был настолько возмущен, что заявил о своем намерении отказаться от британского подданства и стать гражданином Франции, где не было такого рода ограничений. Остается только сожалеть – в свете того, что произошло с писателем впоследствии, – что он не исполнил своей угрозы. Пьеса была опубликована в 1893 году, а годом позже вышел ее английский перевод со знаменитыми иллюстрациями Обри Бердслея. Премьера «Саломеи» все же состоялась – в 1896 году в Париже. Саломею играла Сара Бернар.

* * *

В 1897 году Оскар Уайльд написал «De Profundis» – яркий автобиографический документ поразительной силы, непревзойденную по искренности исповедь, которую можно поставить в один ряд разве что с «Исповедью» Жан-Жака Руссо. В то же время это – философское и эстетическое исследование, по глубине и проникновенности мысли не имеющее себе равных в мировой литературе. В отличие от всех других автобиографических произведений, тюремная исповедь Уайльда рассказывает нам не столько историю жизни автора в ее повседневных подробностях, сколько историю его гениальной души – ее взлета на недосягаемую высоту и падения в глубины отчаяния, и из этих глубин (de profundis) он и обращает к нам, а не к одному лишь лорду Альфреду Дугласу, к которому номинально обращена исповедь, свои исполненные боли слова.

Оскар Уайльд ставил в центре сюжета многих своих произведений разоблачение какой-нибудь постыдной тайны или какой-нибудь неблагоразумный поступок и следующий за этим публичный позор. Если жизнь действительно отражает искусство гораздо в большей степени, чем искусство жизнь, как утверждал писатель в эссе «Упадок лжи», написанном в 1889 году, то он сам в своей безрассудной погоне за наслаждениями стал жертвой подобного рода. Именно тогда, когда Уайльд достиг вершин славы, маркиз Куинзбери начал серию яростных нападок на писателя с целью положить конец его дружбе со своим сыном, лордом Альфредом Дугласом, который, в свою очередь, мечтал увидеть отца на скамье подсудимых и уговорил Оскара Уайльда возбудить против маркиза судебное дело за клевету. Но вместо него на скамью подсудимых попал Оскар Уайльд, и это привело не только к преждевременному завершению его творческой жизни, но и к преждевременной смерти.

Отец Альфреда Дугласа, известный под прозвищем «багровый маркиз», был потомственным аристократом, но вместе со своим титулом он унаследовал и многочисленные пороки рода Дугласов, представители которого всегда отличались буйным и мстительным нравом. Будучи человеком крайне невежественным (несмотря на два года, проведенные в колледже Магдалины Оксфордского университета), маркиз Куинзбери жил только псовой охотой, скачками, женщинами и профессиональным боксом. В семье он вел себя как тиран и самодур. Маркиз полностью пренебрегал женой, женщиной очаровательной и красивой, предпочитая ей собак и любовниц. Он был подвержен ужасающим вспышкам гнева, постоянно устраивал в доме жуткие скандалы и даже опускался до рукоприкладства. Лорд Альфред Дуглас вспоминал об отце как о грубом животном, терроризировавшем жену и совершенно не интересовавшимся своими детьми.

Альфред, третий сын в семействе Куинзбери, был младше Оскара Уайльда на целых шестнадцать лет: на свет он появился в 1870 году. Ему было суждено прожить достаточно долгую жизнь – умер он в 1945 году, пережив Уайльда на целых сорок пять лет. С самого раннего детства мальчика называли «Бози». Это ласкательное прозвище дала ему мать, считавшая младшего сына самым красивым и грациозным ребенком на свете. Бози, в свою очередь, тоже считал свою мать – и не без оснований – самой красивой женщиной в мире, зато ненавидел отца, чье появление в семье (а маркиз уделял домашнему очагу минимум внимания и исчезал из дома часто и надолго) каждый раз сопровождалось ссорами и скандалами. В январе 1887 года родители Альфреда

окончательно развелись – после того как маркиз Куинзбери начал появляться дома с любовницами.

Юноша прекрасно знал, что необыкновенно красив, и был склонен к самолюбованию. В конце своей жизни Дуглас вспоминал, что в молодости отличался прекрасной внешностью и сохранял юный облик еще очень долго – почти до пятидесятилетнего возраста. Какая поразительная аналогия с героем «Портрета Дориана Грея»! Но самое удивительное – это то, что Уайльд написал свой роман еще до знакомства с Альфредом Дугласом (роман, в книжной форме, вышел в апреле 1891 года, а впервые они встретились два месяца спустя). Писатель словно предрек свою роковую дружбу с юным лордом.

Как и Уайльд, Альфред Дуглас учился в Оксфордском университете, причем в том же колледже Магдалины, который задолго до него окончил и Уайльд. Еще до поступления в университет, начиная с 1889 года, Альфред писал стихи и продолжал их писать в университетские годы, печатаясь в Оксфордском литературном журнале «Спирит-Лэмп».

В дом Уайльда, на Тайт-стрит, 16, юного лорда привел Лайонел Джонсон, один из основателей журнала. Произошло это в июне 1891 года. Оскар Уайльд в то время находился в самом зените славы. Перед взволнованным Дугласом предстал элегантный мужчина крепкого телосложения и привлекательной внешности. Уайльд, со своей стороны, был поражен, увидев необычайно красивого и грациозного юношу почти с идеальными чертами лица. Не прошло и получаса, как Уайльд, человек безгранично обаятельный и остроумный, к тому же прекрасно владевший тончайшими интонациями своего бархатного голоса, совершенно околдовал молодого студента. За чаем Уайльд представил Альфреда своей жене Констанции, которая на себе ощутила силу обаяния юноши и вскоре подружилась с его матерью.

Через несколько дней после этого Оскар Уайльд пригласил Альфреда Дугласа поужинать с ним в клубе «Элбемарл» и еще более поразил Бози своим обаянием, остроумием и парадоксальностью, стараясь быть достойным физической красоты юноши. Уайльду казалось, что между ними завязываются те же отношения, которые существовали между героями его романа лордом Генри и Дорианом Греем, и он лишний раз имел возможность убедиться, что жизнь имитирует Искусство даже в большей степени, чем Искусство имитирует жизнь. Дуглас сочетал в себе культуру и образованность с красотой молодости и аристократической изысканностью. В их лице встретились блестящий Талант и совершенная Красота. Оскар Уайльд без

памяти влюбился в лорда Альфреда Дугласа.

Маркиз Куинзбери, видя, что отношения его младшего сына с известным писателем привлекают все более пристальное внимание общества, велел Альфреду перестать встречаться с Уайльдом, угрожая в противном случае прекратить выплату сыну ежегодного содержания в размере двухсот пятидесяти фунтов, на что Бози ответил дерзким письмом, посоветовав отцу не совать нос не в свое дело.

Когда читаешь «De Profundis», может создаться впечатление, будто Уайльд и лорд Дуглас только и делали, что предавались веселью и пиршествовали, но впечатление это ошибочное, ибо на самом деле они часто вели долгие, задушевные беседы об искусстве и литературе, читали друг другу свои произведения, у них были общие творческие интересы и общая страсть к театру. Ведь никто иной, как Альфред Дуглас перевел «Саломею» Уайльда с французского языка на английский, и эта пьеса и поныне идет на сценах Англии, Америки и других англоязычных стран мира именно в переводе Дугласа. Однако перевод этот Оскару Уайльду совершенно не нравился.

Но удивительнее всего то, что ему не нравились и иллюстрации к «Саломее», которые сделал его друг Обри Бердслей, – иллюстрации, идеальным образом соответствовавшие духу и замыслу пьесы и давно признанные гениальными. Тем не менее Уайльд предложил именно ему отредактировать перевод Дугласа, чем привел в бешенство самолюбивого Бози. Уайльд крайне ревниво, с болезненным пристрастием относился к своим творениям, и поэтому неудивительно, что он был столь придирчив к Альфреду Дугласу.

Нужно ради справедливости сказать, что писатель, обвиняя своего друга во всех смертных грехах и пороках, был, по-видимому, несправедлив к молодому лорду, и этого нельзя не заметить, когда читаешь «De Profundis». Альфред Дуглас действительно был избалован, расточителен за чужой счет, эгоистичен, нередко бесцеремонен, груб и несдержан, а главное – повинен в трагедии, случившейся с Оскаром Уайльдом. Да, все это так. В то же время вряд ли мог юный аристократ быть таким уж невежественным, бесчувственным, начисто лишенным воображения, самовлюбленным обывателем и пустоголовым прожигателем жизни, каким его изображает Уайльд. Будь он таким, ему, во-первых, ни за что бы не удалось привлечь внимание столь утонченного эстета и интеллектуала, каким был Уайльд, а во-вторых – он не оставил бы пусть небольшой, но все же достаточно заметный след в английской литературе, выпустив несколько сборников стихов, четыре из которых имели

читательский успех, и написав «Автобиографию Дугласа», а также две книги любопытных воспоминаний об Оскаре Уайльде. Кроме того, он был автором, как уже упоминалось, перевода «Саломеи» и редактором различных литературных журналов.

Как ни прискорбно говорить об этом, Оскар Уайльд во многом сам навлек на себя случившуюся с ним трагедию. Его каким-то противоестественным образом завораживали и неудержимо влекли к себе скорбь и страдание, в чем он сам неоднократно признается в своей исповеди. Осмелимся даже предположить, что, не встреть Уайльд лорда Альфреда Дугласа, он нашел бы какого-нибудь другого прекрасного юношу, посредством которого смог бы реализовать дремавшие в его душе самоубийственные инстинкты.

Кроме всего прочего, в Уайльде говорила горькая обида на Бози, ни разу не написавшего ему в тюрьму. Ведь он, несмотря ни на что, продолжал любить своего жестокосердного друга. До предела сгущая краски, Уайльд хотел как можно больнее ранить Дугласа, выместить на нем свою обиду. Но, хотя на страницах «De Profundis» Уайльд и осыпает Бози упреками за причиненные тем обиды и унижения и укоряет его в бесчисленных диких сценах, которые тот постоянно ему устраивал, на самом деле – и этого нельзя не заметить при чтении уайльдовской исповеди – писатель явно получал от всех этих обид и сцен своего рода удовольствие, пусть и окрашенное горечью, и это еще больше привязывало его к молодому аристократу.

18 февраля 1895 года маркиз Куинзбери появился в клубе Оскара Уайльда «Элбемарл» и вручил портье свою визитную карточку, на которой было написано: «Оскару Уайльду, сомдомиту» (маркиз был настолько взбудоражен, что написал слово «содомит» с лишней буквой «м»). Портье, не знавший значения этого слова (тем более с лишней буквой «м»), но почувствовавший, что карточка носит оскорбительный характер, вложил ее в конверт и оставил для Уайльда, который появился в клубе лишь через десять дней, 28 февраля. Когда Уайльд взял в руки карточку и прочел написанное, он страшно побледнел. Никто, кроме него и портье, не видел ее и не мог знать, что на ней значится, но Альфред Дуглас, узнав от Уайльда о случившемся, усмотрел в инциденте прекрасную возможность расквитаться с отцом и стал убеждать Уайльда подать на маркиза в суд.

Журналист и издатель Фрэнк Харрис, близкий друг Оскара Уайльда, уверенный в том, что тому ни за что не выиграть этот процесс, попытался отговорить его от безумного шага.

Но Уайльд в ответ лишь покачал головой и с обреченным

видом произнес: «Разве ты не понимаешь, как важно для Бози Дугласа, чтобы я полез в эту драку?». На следующий день, выяснив как можно больше подробностей, касающихся всего этого дела, Фрэнк Харрис окончательно пришел к выводу, что судебный процесс, на который толкали Уайльда, – полнейшая бессмыслица. Он встретился с Оскаром Уайльдом в «Кафе-Ройал» – его сопровождал Бернард Шоу, – и оба они заклинали Уайльда уехать из Англии, забрав с собой Констанцию и детей. Их доводы были столь вескими, что Уайльд почти согласился покинуть страну, но вмешался присутствовавший при разговоре Альфред Дуглас и сумел переубедить его. Оскар Уайльд решил принять вызов маркиза Куинзбери и в одиночку (он не хотел впутывать Бози в эту историю) сразиться с ним в зале суда, хотя и понимал, какому подвергает себя риску – да еще в момент своего наивысшего писательского триумфа. Несмотря на все дальнейшие уговоры друзей изменить принятое им опрометчивое решение, несмотря даже на намерение Констанции подать на развод, если он пойдет на этот позор, Оскар Уайльд был готов выступить в роли орудия мести в руках лорда Альфреда Дугласа и намерен был идти до конца. Как знать – возможно, великого писателя даже привлекала эта новая для него роль в ожидавшем его скандале, обещавшем стать кульминацией в той не написанной им пьесе, которой ему представлялась его жизнь.

Суд вынес в отношении маркиза Куинзбери оправдательный приговор, а это автоматически подразумевало, что на скамью подсудимых попадает вместо него Оскар Уайльд. Публика единодушно приветствовала решение суда, и «багровый маркиз», под громкие овации присутствующих, покинул зал суда победителем. Уайльд же вышел из «Олд-Бейли», сопровождаемый улюлюканьем толпы. Он не сомневался в том, что карьера его закончена, а жизнь разбита.

Но в тот момент он еще не подозревал, с какой яростью примется его преследовать викторианское общество – то самое, над думами и сердцами которого он так долго и столь безраздельно властвовал. У него все еще оставалась возможность покинуть Англию, о чем его умоляли Роберт Росс, Фрэнк Харрис и другие его друзья. Но Уайльд чувствовал себя бесконечно усталым и, подобно Гамлету (так, по крайней мере, он понимал этот образ), предпочел наблюдать за происходящей с ним трагедией со стороны. В глубине души роль страдальца даже импонировала ему, зато претила роль трусливого беглеца. И он решил встретить свою судьбу с поднятой головой.

6 апреля 1895 года Оскару Уайльду было предъявлено официальное обвинение в совершении непристойных действий, и

его поместили в тюрьму предварительного заключения Холлоуэй. Правосудие было к нему безжалостно: судья отказал друзьям писателя освободить его под залог, запретил передать ему сменное белье, в тюрьме ему отвели самую худшую камеру. Английская пресса неистовствовала, проститутки танцевали на улицах, а добропорядочные граждане произносили имя Оскар с ненавистью и презрением. Уайльду грозило пожизненное тюремное заключение. Но суд на последнем из тех трех процессов, на которых слушалось дело Уайльда, дал ему два года тюремного заключения с исправительными работами, что можно считать, учитывая серьезность обвинения, относительно мягким приговором.

В конце мая 1895 года Оскара Уайльда, закованного в наручники, посадили в тюремную карету и отвезли из Холлоуэя, тюрьмы предварительного заключения, в Пентонвилл, тюрьму для осужденных преступников. Жизнь для Оскара Уайльда остановилась. Знаменитый писатель, утонченный эстет – и тюрьма строгого режима! Да еще по обвинению в преступлении, которое давно уже таковым не считается и сейчас признается чуть ли не нормой! Оскар Уайльд выйдет на свободу через два года, в мае 1897 года, сломленный и физически, и морально. От него практически отказалась семья, сменив фамилию на Холланд, потому что с фамилией Уайльд его жену и сыновей даже отказывались поселить в гостинице, когда они ездили на отдых в Швейцарию.

Такому эстету, завсегдатаю светских салонов и гранд-отелей, каким был Уайльд, тюрьма показалась сущим адом. Он крайне тяжело переносил свое заключение. Когда ему зачитали тюремный распорядок, Уайльд пришел в ужас, а когда его заставили надеть отвратительную тюремную робу и начали сбривать ему волосы, он принялся бурно протестовать. В последний день судебного разбирательства он выглядел совершенно больным, и друзья надеялись, что по прибытии в тюрьму его сразу же направят в лазарет, однако вместо этого его приставили к колесу, то есть наказали самым тяжелым видом исправительных работ, какой только мог выпасть на долю узника Пентонвилла.

В ноябре Уайльда перевели в Рединг, где ему со временем подыщут более подходящую работу и где его даже посетит вдохновение: позднее он напишет там «De Profundis» и первые строфы «Баллады Редингской тюрьмы». Во время переезда из Уондсворта в Рединг Уайльд, стоя в наручниках и в тюремной одежде на центральной платформе Клапамского железнодорожного узла, что в южной части Лондона, подвергся

насмешкам и оскорблениям ожидавшей поезда толпы. Кто-то даже попытался плюнуть ему в лицо. Эту унизительную сцену он с горечью опишет на страницах «De Profundis».

Начальник Редингской тюрьмы, майор Айзексон, поддерживавший в своем заведении железную дисциплину, не выполнил рекомендаций врачей и применил к вновь поступившему заключенному все строгости внутреннего распорядка. Оскар Уайльд вновь оказался изолированным в одиночной камере, и ему по-прежнему не разрешали читать книги. Он давно уже опасался за жизнь своей матери, леди Уайльд, для которой осуждение сына и отсутствие известий о нем явилось тяжелейшим испытанием, и 3 февраля 1896 года он вдруг увидел ее у себя в камере. Уайльд предложил ей сесть, но она исчезла так же внезапно, как и появилась, и он понял, что она умерла. А 19 февраля к нему из Генуи приехала Констанция и подтвердила, что его видение оказалось вещим. Этому свиданию суждено было стать последней встречей Уайльда с женщиной, которую он когда-то страстно любил и которой причинил так много горя. Констанция умерла 7 апреля 1898 года в Генуе, где и была похоронена. Уайльд пережил ее на два с половиной года.

В мае 1896 года Уайльда перевели на должность садовника, что было для него огромным облегчением. Он провел в тюрьме уже больше года, и его все больше донимало воспаление уха, начавшееся в результате падения в часовне. В июле того же года он написал министру внутренних дел письмо с просьбой сократить ему срок наказания. Он признавал себя виновным, но подчеркивал, что гомосексуализм – не преступление, а болезнь, и что дальнейшее пребывание в тюрьме может довести его до безумия. Вскоре Уайльда вновь обследовали врачи и снова рекомендовали облегчить ему режим пребывания в тюрьме и предоставить в его распоряжение перья, бумагу и книги.

В конце июля 1896 года вместо Айзексона начальником тюрьмы был назначен майор Нельсон, который благоволил к Оскару Уайльду и всячески старался облегчить его пребывание в заключении. В январе 1897 года Уайльда освободили от всех видов работ и назначили старшим по тюремной библиотеке. Ему дали бумагу и разрешили после общего отбоя пользоваться светом.

Тогда-то Оскар Уайльд и приступил к сочинению письма Альфреду Дугласу, ставшего впоследствии известным под названием «De Profundis», и закончил его через три месяца. Тех, кто читал это произведение, поражает необычайная широта познаний Оскара Уайльда в самых различных областях – и в искусстве, и в философии, и в теологии, и в литературе, и в

истории. Еще более поражает глубина и оригинальность высказываемых им суждений – и о том, что Иисус Христос был первым в мире романтиком и обладал могучим воображением, что и позволило ему пробудить в человеке Человеческое; и о том, что в историческом развитии человечества было два возрождения – одно подлинное, начавшееся с приходом Христа, а другое – псевдовозрождение, называемое классическим Ренессансом; и о том, что шекспировский Гамлет был созерцателем и мечтателем, чем и определялось его поведение, и о многом другом.

Примерно в это же время, в начале 1897 года, Оскар Уайльд начал писать «Балладу Редингской тюрьмы», которая, однако, будет закончена уже после его выхода на свободу.

День 18 мая 1897 года стал последним днем пребывания Уайльда в Редингской тюрьме. Произведения Уайльда в то время не печатались, все его пьесы были сняты со сцены, и он, лишившись здоровья и денег, был вынужден уехать во Францию, где и прожил остаток своих дней чуть ли не в нищете и часто впроголодь, ютясь в крошечной комнатке жалкой парижской гостиницы, которая не заслуживает даже того, чтобы упоминать ее название. Однако он не оставлял надежд возобновить свою литературную деятельность и снова стать популярным писателем. Несмотря на постоянные денежные проблемы ему все же удавалось сохранять, по выражению Бернарда Шоу, «несокрушимый праздник души», что поддерживало его в самые трудные минуты. Кроме того, его навещали преданные друзья, такие как Макс Бирбом и Роберт Росс, взявший на себя впоследствии обязанности его литературного душеприказчика.

Хотя исповедь Оскара Уайльда была впервые опубликована (со значительными купюрами) еще в 1905 году, в полном объеме это произведение увидело свет лишь более пятидесяти лет спустя, в 1962 году. Публикация полного текста «De Profundis» произвела эффект разорвавшейся бомбы как в Англии, так и по другую сторону Атлантического океана. Со страниц исповеди перед читателями встал подлинный Оскар Уайльд. Многие, хоть они и жили во второй половине XX века, были шокированы откровенностью почитаемого ими писателя; других, напротив, пленила его искренность, а некоторые увидели в «De Profundis» не только исповедь, но и покаяние. «De Profundis» и в самом деле можно считать и исповедью Великого Страдальца, и покаянием Великого Грешника, и автобиографией души Великого Художника.

Умер писатель скоропостижно от острого менингита, вызванного проникшей в ухо инфекцией. Оскар Уайльд был с рождения протестантом, но его всегда привлекала религиозная

мистика и католическая вера. Перед самой смертью, в 1900 году, в свои самые последние минуты, будучи уже в полубессознательном состоянии, Уайльд был принят в лоно католической церкви, которой восхищался столь многие годы, и обрел вечный покой на парижском кладбище Пер-Лашез, где его останки покоятся и поныне.

Валерий Чухно